

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/57/3

Л.Г. Ким, Е.С. Беляева

ДОТЕКСТОВЫЕ ОЖИДАНИЯ АДРЕСАТА КАК ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Обсуждается проблема противоречия между единственностью формы текста как воплощения замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его смысла. Анализируется фактор дотекстовых ожиданий адресата, детерминирующий множественность и вариативность интерпретации политического (инаугурационного) текста реципиентом. На материале результатов лингвистического интерпретационного эксперимента доказывается, что процесс восприятия политического текста осуществляется под влиянием образа его автора, который регулирует дотекстовые ожидания реципиента.

Ключевые слова: адресатоцентричная модель, интерпретация текста, ожидания адресата, образ автора, инаугурационный дискурс.

1. Постановка проблемы

Данное исследование выполнено в плоскости пересечения интерпретационной лингвистики, обыденной лингвополитологии и лингвоперсонологии. Основная проблематика исследования обусловлена противоречием между единственностью формы текста как воплощения замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его смысла. Иными словами, авторы статьи решают задачу поиска ответа на вопрос, почему смысл одного и того же текста разными адресатами воспринимается различным образом. Решение этой задачи направлено на выявление факторов, детерминирующих развитие рецептивно-интерпретационного процесса по модели множественности и вариативности.

Постановка данной проблемы и ее решение осуществляются в русле интерпретационной лингвистики в ее адресатоцентричном аспекте [1]. Согласно этой теории интерпретационный процесс направлен на восприятие и осмысление текста – *объекта* рецептивно-интерпретационной деятельности, который, в соответствии с нашей концепцией, мы называем *интерпретируемым текстом*. Результат рецептивного ментально-речевого процесса воплощается в виде *интерпретирующего текста*, который в генетическом аспекте является вторичным, находящимся в отношениях

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

формально-смысловой детерминации относительно интерпретируемого текста, а в лингвокогнитивном – представляет собой результат активного проявления метаязыкового сознания и разной степени вербализации метаязыковой деятельности реципиента [2]. Модель описания вариативно-интерпретационного функционирования текста предполагает включение такого фактора, как *интерпретационная деятельность субъекта*, которая отражает вариативное многообразие типов языковой способности языковой личности. Адресат речевого произведения осуществляет *интерпретирующий речевой акт*, результат которого репрезентируется метатекстом [3]. Деятельность адресата носит активный, креативный и продуцирующий характер и представляет собой автономный, в определенном смысле независимый от замысла автора процесс, характеризующийся субъективностью и собственной интенциональностью.

Согласно выдвигаемой нами гипотезе эта деятельность детерминирована *дотекстовыми ожиданиями адресата*, обусловленными в числе прочих фактором *образа автора*. Модель этого процесса условно можно представить следующим образом: «Я – знаю автора / произведения автора – знаю, что обычно говорит автор и его коммуникативные намерения – я ожидаю в этом тексте услышать то, что автор говорил в ранее написанных текстах, т.е. А». Приведем два примера. В фильме Г. Данелии «Мимино» персонаж Фрунзика Мкртчяна так представляет свою встречу с Валико Мизандари: «Я ему скажу: «Здравствуй, Валико!» А он скажет «Вах! Как меня нашел, откуда?» Ему будет приятно. Когда ему будет приятно, я буду чувствовать, что мне тоже приятно». В другом произведении герой романа А. Гончарова «Обломов» рассуждает: «Да и Штольц тут, под боком; он сейчас скажет. А что он скажет? «В неделю, скажет, набросать подробную инструкцию поверенному и отправить его в деревню, Обломовку заложить, прикупить земли, послать план построек, квартиру сдать, взять паспорт и ехать на полгода за границу, сбить лишний жир».

Эти фрагменты иллюстрируют механизм дотекстовых ожиданий, т.е. способность героев предвосхитить содержание и интенциональность речи партнера по коммуникации и ее перлокутивный эффект. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «...ожидания бывают продиктованы естественным ходом событий, правилом, привычной диспозицией. Норма ожидания проявляется тогда, когда сравнивается действительное с ожидавшимся или привычным. Нарушение же порядка, единичные и редкие события «дают ощущение чрезвычайности» и воспринимаются как аномалия» [4. С. 75].

Понятие *ожидание* (*антиципация, предвосхищение, проlepsис, дивинация*) связано с когнитивно-языковой деятельностью; оно рассматривается в философии, психологии, педагогике, литературоведении, лингвистике и др. В философии эпикурейцев и стоиков *предвосхищение, или проlepsис*, – это обобщенная идея, сформировавшаяся из повторения единичных опытов. «Например, я вижу перед собой некое животное. Если я говорю: «Это собака», то лишь потому, что до того, как воспринять ее с помощью органов чувств, уже имел в голове идею собаки, благодаря чему способен при-

знать собаку. Эта идея сформировалась у меня в голове в результате повторяющихся предшествующих восприятий» [5]. В.Н. Базылев в статье «Предвосхищение и язык» излагает философские концепции *предвосхищения* от Античности до современности: предвосхищение как проlepsис (Эпикур); теория предвосхищения как теория языка, рожденная в споре о языке ангелов (византийская философия); предвосхищение как априорное познание предметов восприятия еще до самих восприятий (И. Кант); как представление о результате того или иного процесса или события, возникающее до его реального свершения и служащее причиной при построении действия, вызванного представлением о будущем и совершаемого с целью влияния на это предполагаемое будущее (теория неравновесных систем, XX в.) [6].

В **психологии антиципация** – представление предмета, явления, результата действия и т. п. в сознании человека еще до того, как они будут реально восприняты или осуществлены. В психологии мышления антиципация обозначает представление (в сознании человека) схемы решения какой-либо проблемы еще до того, как она будет реально решена [7. С. 49].

Понятие *ожидание*, связанное с понятием *горизонт ожидания*, используется в **литературоведении**, и в частности в рецептивной эстетике. Идеолог рецептивной эстетики Г.-Р. Яусс вводит понятие *горизонт ожидания*, дифференцируя *горизонт ожидания произведения* и *горизонт ожидания читателя*. Под *горизонтом ожидания произведения* он понимает особую авторскую «интенциональность», т.е. круг определенных надежд автора. Согласно теории Г.-Р. Яусса, текст «задает читателю очень определенные линии своего восприятия, используя текстуальные стратегии, открытые и скрытые сигналы, привычные характеристики и подразумеваемые аллюзии» [8. С. 37]. Автор как бы «просчитывает» наперед читательские реакции и поступает с этими потенциальными реакциями в зависимости от своих эстетических принципов – либо «подыгрывая», либо разрушая это «поверхностное» ожидание и тем самым выводя читателя на более глубокие слои содержания произведения. *Горизонт ожидания читателя* в отличие от постоянного *горизонта ожидания произведения* – категория неуловимая, основанная на смоделированном автором читателем и его рецептивных действиях. В ходе взаимодействия двух *горизонтов – произведения и читателя* – осуществляется рецепция произведения и формирование эстетического опыта читателя.

М.Ю. Лотман, говоря о читательском ожидании, делает акцент на изначальной установке самого читателя, и, исходя из этого, по его определению, получаем такие разновидности, как ритмическое ожидание, стилистическое, образное, жанровое и т. п., которые подтверждаются или не подтверждаются прочитанным текстом [9].

Лингвистический подход к понятию *ожидания* (предвосхищения) представлен в ряде исследований, связанных с рассмотрением языка и языкового сознания в общетеоретическом плане [4, 6, 10], как средства речевой деятельности [4, 11–13], при изучении механизмов понимания

текста [14], при рассмотрении специфики переводческой деятельности [15] и в других аспектах. Ключевыми для нас являются положения о заданности предвосхищения [6] и презумпции текстуальности, о которой писал Б.М. Гаспаров [16]; о связи антиципации с мышлением [17], связи предвосхищения и языка, проявляющейся в разных способах овнешнения предвосхищения [6]. Важными для дальнейшего анализа являются разработанные положения о предвосхищении смысла при интерпретации текста, при этом возможны сценарии как соответствия, так и несоответствия ожиданиям [14].

Таким образом, предвосхищение (дотекстовые ожидания) включает такие компоненты, как *опыт* реципиента; *способность мышления* в ответ на стимулы, действующие в настоящем, предугадывать еще не наступившие события; *заданность* как интенциональность адресата; *языковые модели*, определяющие вектор предвосхищения; *образ текста*; *образ автора*.

Разработанные теоретические положения о сущностном характере предвосхищения как ментально-языкового процесса имеют богатый эвристический потенциал при исследовании рецептивно-интерпретационной деятельности читателя (адресата) политического текста. Политическая коммуникация ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям. В соответствии с этими целями политический дискурс в определенной мере должен не только отражать прямые или косвенные интенции автора, но и соответствовать ожиданиям адресата. Адресат предвосхищает произведения «своего» автора (политического деятеля). В противном случае, если текст не соответствует ожиданиям адресата, если процесс предвосхищения прекращается, рецептивный аспект смещается и автор теряет «своих» адресатов.

Пусковым механизмом процесса предвосхищения при интерпретации политического текста является автор, точнее, *образ автора* в сознании адресата.

Разработка понятия *образ автора* имеет давнюю традицию в отечественной филологии, восходящую к работам В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Б.А. Успенского, дифференцирующих образ автора-рассказчика, образ автора-писателя и личность реального человека [18–20]. Категория образа автора активно используется и в новом лингвистическом направлении – политической лингвистике и политической лингвоперсонологии – в работах, посвященных моделированию речевого портрета политического деятеля [21, 22]. Политические портреты Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и Д.А. Медведева исследуются на основе информации о них в прессе, их политических выступлений, а также на основе анализа результатов лингвистического эксперимента [23, 24]. Сходные по содержанию политические программы, предвыборные обещания, произносимые разными политиками, в одном случае вызывают доверие электората, а в другом – скепсис [25].

В настоящей статье понятие *образ автора* рассматривается в русле интерпретационной лингвистики, т.е. образ автора как результат рецептивно-интерпретационной деятельности адресата, другими словами, каким пред-

стает **автор в языковом сознании адресата** в результате прочтения текстов / восприятия его политических выступлений.

2. Исследовательский ракурс проблемы дотекстовых ожиданий адресата

Дальнейшее обсуждение проблемы осуществляется на основе результатов лингвистического интерпретационного эксперимента. Цель эксперимента заключается в верификации гипотезы, согласно которой смысл политического текста на уровне его восприятия адресатом детерминирован не только содержанием исходного текста, но и дотекстовыми ожиданиями адресата, регулируемые образом автора (политического деятеля). Иными словами, при восприятии политического текста адресат актуализирует такие текстовые фрагменты и ключевые лексемы, «прочитывает» такие смыслы, которые обуславливаются ожиданиями, связанными с образом конкретного политика. Смысл текста предвосхищается адресатом, поскольку он знаком с текстами (выступлениями) политического деятеля и, располагая сведениями об авторе, реконструируя в сознании образ автора, ожидает реализации в тексте типовых для данного автора коммуникативных интенций.

Предлагаемое исследование выполнено на материале интерпретирующих текстов как результата восприятия исходного (интерпретируемого) текста. Непосредственным материалом анализа является фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2004 г.:

Вместе мы сумели очень многое. И достигли всего этого только сами.

Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики. Преодолели непростое идеологическое противостояние и сейчас становимся единой нацией.

Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной. Страной, укрепляющей свои позиции на международной арене и умеющей мирными средствами отстаивать свои законные интересы.

Теперь главная цель ближайшего четырехлетия – превратить уже накопленный нами потенциал в новую энергию развития. Достичь за счет этого принципиально лучшего качества жизни наших людей.

Этот текст был предложен студентам Кемеровского университета (75 человек), которым предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) О чем этот текст? 2) Что хотел сказать автор при произнесении этой речи? Такая формулировка вопросов предполагает восприятие текста как в диктумном, так и в модусном аспектах; адресату как бы предлагается сместить фокус эмпатии (автор текста = Я).

Эксперимент проходил с участием трех групп испытуемых по 25 человек в каждой. Первой группе был предложен фрагмент этой речи В.В. Путина с указанием автора; второй группе мы предложили этот же текст, при

этом автором был обозначен П.А. Порошенко, а третья группа получила такой же текст, автором которого был обозначен Р. Кадыров. То есть константной составляющей эксперимента является исходный (интерпретируемый) текст, переменные – автор текста. Дизайн эксперимента предполагал следующую последовательность рецептивных действий испытуемых: сначала объектом восприятия является автор текста (*Прочитайте фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина / Р. Кадырова / П.А. Порошенко*), затем текст. Таким образом, участники эксперимента сначала воспринимали фамилию президента, конструировали образ автора и лишь затем под влиянием образа автора интерпретировали содержание текста.

По итогам эксперимента были получены следующие результаты.

Анализ интерпретирующих текстов **первой группы испытуемых**, которым был предложен текст с указанием автора – **В.В. Путина**, позволил выявить следующие смысловые версии, отражающие образ политического лидера и его интенциональность:

1. «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» (11 ответов – 44%): *Автор хотел показать единство, демократические настроения, что с ним страна будет процветать на всех фронтах; Что совместными усилиями народа и сильного аппарата власти страна добилась больших результатов.*

2. «Достижения страны за период правления В.В. Путина на посту президента и программа на следующий срок» (4 ответа – 16%): *О новых достижениях развития страны в период правления ВВП. Страна под его «руководством» развивается, растет, достигает новых вершин. Все у нас хорошо. И в новый свой срок он тоже будет стремиться улучшить страну; Этот текст о том, что русский народ достиг за время, пока В.В. Путин был у власти.*

3. «Россия – сильное, независимое государство, способное добиться высоких результатов» (4 ответа – 16%): *У России большой потенциал и большое будущее. А добиться своей цели мы должны и можем сами; Россия – это сильная, независимая и единая страна, умеющая мирным путем отстаивать свои интересы, которая сможет добиться высоких результатов развития в будущем.*

4. «Задачи, стоящие перед страной и народом (укрепление авторитета России и повышение уровня жизни народа)» (3 ответа – 12%): *О том, чего мы добились и чего еще следует добиться и к чему стремиться; Поднятие экономики, укрепление авторитета России. Дальнейшие планы – повышение уровня качества жизни населения.*

5. «Когда-нибудь мы будем жить лучше – общие фразы без конкретной программы» (1 ответ – 2,5%): *В этом тексте нет конкретных фактов, говорит, что жить мы когда-нибудь будем лучше.*

6. «Текст о вранье: результаты труда народа пожинаят чиновники» (1 ответ – 2,5%): *Текст о вранье. «Мы сумели, мы, мы, мы». Сумели вместе, а пожинаят плоды кто? Чиновники и наш «любимый» президент. И что конкретно мы добились?*

7. **«В тексте перечислены успехи за период управления страной, но не указываются проблемы»** (1 ответ – 2,5%): *Автор перечисляет только хорошее, что было за время его правления страной, но не говорит о плохом. И делает акцент, что дальше будет так же – все хорошо. А плохого не будет?*

Интерпретирующие тексты **второй группы испытуемых**, авторство которого было приписано **П.А. Порошенко**, содержат следующие смысловые версии:

1. **«Достижения страны за период правления Порошенко на посту президента и программа на следующий период»** (13 ответов – 52%): *Текст повествует о достижениях Украины за время правления Порошенка; Этот текст о том, что страна добилась высоких темпов развития экономики. Нужно и дальше развиваться в том же направлении.*

2. **«Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны»** (6 ответов – 24%): *Порошенко во время своей инаугурационной речи хотел донести, что благодаря сплоченности народа страна достигла нового витка развития; Автор хотел сказать, что все «мы», народ, должен принимать участие в развитии и что не только государство, но и народ сделал свой вклад в развитие страны.*

3. **«Мы – независимая нация, способная без чьей-либо помощи достичь развития экономики»** (3 ответа – 12%): *Инаугурационная речь направлена на формирование у слушателей позитивного образа страны и президента. Ее основные концепты – самостоятельность, независимость от России в политических вопросах, а также единство нации; Здесь акцентируется внимание на независимости действий, говорится о том, что без чьей-либо помощи Украина достигла каких-либо высот.*

4. **«Пустые обещания с целью агитации граждан голосовать за президента»** (3 ответа – 12%): *Наобещать многого он хотел, а потом, как это бывает, ничего не выполнить или минимум из всего осуществить. Хотел сказать: «Выбирайте меня!». Как обычно, хорошо поставленная речь о всем прекрасном, вдохновляющая граждан; Пытался завлечь внимание общества «громкими», многообещающими словами, которые в большинстве своем не несут ничего информативного.*

Интерпретирующие тексты **третьей группы испытуемых**, авторство которого было приписано **Р. Кадырову**, содержат следующие смысловые версии:

1. **«Единство нации – залог укрепления государства и дальнейших достижений»** (15 ответов – 60%): *Текст о том, что нация преодолела разногласия, наша страна смогла вернуться в нормальное русло развития. Рамзан Кадыров хотел сказать, что если мы смогли вместе укрепить имидж своей страны, то теперь нужно так же дружно постараться для улучшения качества жизни; Текст говорит о том, что общее взаимодействие граждан помогло поднять страну на новый уровень развития. И дальнейшие сплоченные действия не только укрепят полученные результаты, но и улучшат их. Сплоченные действия всех граждан, направ-*

ленные на укрепление и развитие страны, способны принести положительные результаты;

2. «Достижения Родины – заслуга каждого конкретного человека» (4 ответа – 16%): *Этот текст о достижениях в экономике за последние годы. Автор говорит, что это заслуга всей страны, каждого гражданина в отдельности; Этот текст о том, что наша Родина стала открытой, прекрасной страной. Автор хотел пробудить в слушающих чувство патриотизма, убедить слушающих, что все, чего достигла Родина, – это заслуга каждого конкретного человека.*

3. «Достижения страны за период правления Р. Кадырова на посту президента и программа на следующий срок» (4 ответа – 16%): *Текст повествует о том, насколько изменилась Чеченская Республика после прихода к власти Р. Кадырова; Текст о результатах политики Р. Кадырова в экономике, политике и внешней политике. Автор хотел рассказать о перспективах развития будущего страны.*

4. «Необходимо объединение России и Чечни» (1 ответ – 2,5%): *Этот текст об объединении России и Чечни, о том, что эти две территории находятся в дружественных отношениях между собой и стремятся к новым целям, о перспективах развития новых территорий, их взаимодействия и сотрудничестве.*

5. «Мнимые достижения страны, к которым Р. Кадыров не имеет отношения» (1 ответ – 2,5%): *Этот текст о том, как надо лгать. Р. Кадыров, видимо, хотел подчеркнуть мнимые достижения страны, и если они и имели место, то не в той степени, как их описывает автор, и уж точно он ко всему этому непричастен.*

Как показывают результаты эксперимента, предложенный испытуемым текст, принадлежащий «разным авторам» в процессе интерпретации, реализуется как общие, так и различные смысловые версии. К общим версиям относятся следующие: **«Достижения страны за период правления В.В. Путина (П.А. Порошенко / Р. Кадырова) на посту президента и программа на следующий срок»** (16 / 52 / 16% соответственно). Совпадение смысловых версий обусловлено диктумным содержанием инаугурационной речи, его жанровой характеристикой. Иными словами, характер интерпретации в большей степени детерминирован текстом и в меньшей – образом автора. Интерпретаторы, предложившие эти смысловые версии, заняли объективистскую позицию, которая соответствует следующей когнитивно-языковой модели: «Я знаю, что при произнесении инаугурационных речей президент рассказывает о достижениях страны за предыдущий период и намечает перспективы дальнейшего развития – в этой речи президент (В.В. Путин, П.А. Порошенко, Р. Кадыров) расскажет о достижениях страны за предыдущий период и наметит перспективы дальнейшего развития». При этом количественные индикаторы реализации этой смысловой версии иллюстрируют модусную составляющую дотекстовых ожиданий реципиентов: 52% респондентов, анализирующих речь П.А. Порошенко, и по 16% – анализирующих выступления В.В. Путина и Р. Кадырова.

Совпадают по модальному значению персуазивности смысловые версии, отражающие сомнение адресатов в достоверности излагаемой в речи информации: «Текст о вранье: результаты труда народа пожинаят чиновники»; «Пустые обещания с целью агитации граждан голосовать за президента»; «Мнимые достижения страны, к которым Р. Кадыров не имеет отношения». Однако причины недоверия у разных адресатов указываются разные: недоверие к содержанию речи В.В. Путина обусловлено ролью чиновников во внутренней политике государства, к речи П.А. Порошенко – его интенциональностью завоевать доверие электората, а к речи Р. Кадырова – стремлением автора необоснованно приписывать себе заслуги по урегулированию положения в Чечне. При этом наибольший процент недоверия – к речи П.А. Порошенко (12 против 2,5% к содержанию выступления В.В. Путина и Р. Кадырова). Интерпретаторы, реализующие подобные смысловые версии, выражают субъективный модус персуазивности, соответствующий когнитивно-языковой моделию: «Я знаю автора как руководителя государства – я знаю результаты его деятельности – реальная картина не соответствует заявляемым достижениям – я не верю содержанию речи президента». Иными словами, характер интерпретации в большей степени детерминирован образом автора и в меньшей – диктумным содержанием исходного текста.

Смысловые версии, отражающие интерпретацию **выступления В.В. Путина**, представляют собой проявление как текстовой детерминированности, так и дотекстовой, т.е. образом автора, в разной степени их корреляции. Так, содержание интерпретирующих текстов, объединенных смысловой версией «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» имеет, с одной стороны, текстовую детерминированность. В тексте инаугурационного выступления актуализированы ключевые лексемы *мы, вместе*. При этом высока степень обусловленности интерпретаций образом автора как лидера, стремящегося подчеркнуть демократический характер своего руководства, опору на широкие народные массы. Поэтому пафос его выступлений сводится к апеллированию к заслугам народа, что и усматривается в таких, например, интерпретациях: *Автор хотел выразить признание гражданам, совместными усилиями которых удалось многого достичь; Благодаря нам всем мы достигли высот. А главное, автор текста ставит еще одну цель для людей, тем самым подчеркивая тот факт, что совместными усилиями добьемся успехов.*

Содержание интерпретирующих текстов, объединенных смысловыми версиями «Россия – сильное, независимое государство, способное добиться высоких результатов» и «Задачи, стоящие перед страной и народом (укрепление авторитета России и повышение уровня жизни народа)» обусловлены в высокой степени образом автора как лидера государства, сделавшего много для укрепления России на международной арене, повышения ее авторитета как сильного и независимого государства (*Россия – это сильная, независимая и единая страна, умеющая мирным путем отстаи-*

вать свои интересы, которая сможет добиться высоких результатов развития в будущем; Поднятие экономики, укрепление авторитета России. Дальнейшие планы – повышение уровня качества жизни населения).

Смысловые версии «Когда-нибудь мы будем жить лучше – общие фразы без конкретной программы» и «В тексте перечислены успехи за период управления страной, но не указываются проблемы» обусловлены прежде всего образом автора как руководителя государства, который, много лет находясь у власти, не сумел решить многих проблем. В сознании наших испытуемых выстраивается образ автора как руководителя, который, умалчивая о проблемах, стоящих перед государством, не решает их. А следовательно, его слова воспринимаются как общие фразы без конкретной программы (*В этом тексте нет конкретных фактов, говорит, что жить мы когда-нибудь будем лучше; Автор перечисляет только хорошее, что было за время его правления страной, но не говорит о плохом. И делает акцент, что дальше будет так же – все хорошо. А плохого не будет?*).

Специфика смысловых версий, отражающих интерпретацию **выступления Р. Кадырова**, содержит национальный компонент: «Единство нации – залог укрепления государства и дальнейших достижений». В интерпретирующих текстах актуализируются ключевые лексемы *нация, общее взаимодействие, сплоченные действия, совместные усилия (Наша нация преодолела разногласия...; Автор хотел подчеркнуть важность единства нации для укрепления государства...; Если мы смогли вместе укрепить имидж своей страны, то теперь нужно так же дружно постараться для улучшения качества жизни; Если бы народ не объединился, ничего не получилось бы)*. В содержании интерпретирующих высказываний, актуализирующих национальный компонент, проявляются дотекстовые ожидания адресатов, связанные с образом Р. Кадырова как президента национальной автономной республики. События в Чечне, роль чеченских лидеров продолжительное время обсуждались в СМИ, что, несомненно, проецируется на образ Р. Кадырова в данном тексте, детерминируя интерпретацию его содержания.

Смысловая версия «Достижения Родины – заслуга каждого конкретного человека», репрезентированная в ряде интерпретирующих текстов (*Автор говорит, что это заслуга всей страны, каждого гражданина в отдельности; Автор хотел пробудить в слушающих чувство патриотизма, убедить слушающих, что все, чего достигла Родина, – это заслуга каждого конкретного человека*) актуализируется ключевыми лексемами *каждый гражданин, каждый конкретный человек*. Подобные интерпретации содержания исходного текста обусловлены образом Р. Кадырова как главы республики, где принято почитать каждого человека, показывать уважение к нему.

Интерпретирующие тексты, реализующие смысловую версию «Необходимо объединение России и Чечни» (*Этот текст об объединении России и Чечни, о том, что эти две территории находятся в дружественных отношениях между собой и стремятся к новым целям, о перспективах развития новых территорий, их взаимодействии и сотрудничестве*),

детерминированы образом автора как политического деятеля, осознающего целесообразность укрепления связей маленькой автономной республики, какой является Чечня, с сильным государством – Россией. Примечательно, что в исходном тексте вопрос об объединении каких-либо территорий не обсуждается. Подобные интерпретации, отражающие слабую связь с диктумным содержанием исходного текста, свидетельствуют о сильной детерминированности образом автора.

Резюме

Противоречие между единственностью формы текста как воплощения замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его смысла выдвигает перед интерпретационной лингвистикой задачу выявления факторов, детерминирующих развитие рецептивно-интерпретационного процесса по модели множественности и вариативности. Один из таких факторов включает интерпретационную деятельность субъекта, которая отражает вариативное многообразие типов языковой способности языковой личности. Эта деятельность обусловлена не только интерпретируемым текстом, но имеет и дотекстовые детерминанты, которые в большой мере определяют видение и понимание текста, а именно выбор непосредственных элементов интерпретации, интерпретационное содержание, модальность. Дотекстовое ожидание во многом определяет вариативность интерпретации: каждая индивидуальная личность (тип личности) актуализирует в интерпретируемом тексте релевантные в данной коммуникативной ситуации компоненты, коррелирующие с его дотекстовыми ожиданиями, и оценивает по сложившейся шкале оценок.

Политическая коммуникация, с одной стороны, направлена на реализацию интенций автора, а с другой – соответствует ожиданиям адресата. Адресат предвосхищает произведения «своего» автора (политического деятеля). Пусковым механизмом процесса предвосхищения при интерпретации политического текста является *образ автора* в сознании адресата. Экспериментальные данные доказывают различную степень детерминированности интерпретации инаугурационного дискурса образом автора (президента).

Литература

1. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ...д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.
2. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 34, № 2. С. 12–20.
3. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.

6. Базылев В.Н. Предвосхищение и язык // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012 г. М., 2012. С. 9–50.
7. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М. ; СПб. : АСТ-Москва: Прайм-Еврознак, 2008. 868 с.
8. Яусс Г.-Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория: антология. М., 2004. С. 192–200.
9. Лотман Ю.М., Гаспаров М.Л. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 846 с.
10. Шапошников В.Н. Логика опережающего отображения в системе русского языка // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012. М., 2012. С. 287–306.
11. Кащеева А.В. Антиципация в процессе письменного дискурса // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12, № 5. С. 25–31.
12. Фролова А.В. Специфика исследования антиципации в речевой деятельности // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 20. С. 325–331.
13. Серебrenникова Е.Ф. Пролепсис как вид предвосхищения // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012 г. М., 2012. С. 207–215.
14. Голев Н.Д., Тармаева В.И. Дивинация и когнитивная гармония в понимании текста // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012 г. М., 2012. С. 118–135.
15. Третьякова Т.П. Антиципация в модели переводческого маневрирования // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 795–797.
16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
17. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М. : Наука, 1980. 280 с.
18. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М. : Высш. шк., 1971. 233 с.
19. Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Собр. соч. : в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 287–297.
20. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9–218.
21. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. 303 с.
22. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М. : УРСС, 2003. 284 с.
23. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.Е. Российская лингвополитическая персоналогия: исследование дискурса политических лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 14–31.
24. Алексеева А.А. Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 64–80.
25. Ким Л.Г., Мустайоки А., Пиетилäinen Ю. Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 47–59.

Recipient's Pre-Text Expectations as a Factor of Various Interpretations of Political Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 48–62. DOI: 10.17223/19986645/57/3

Lidiya G. Kim, Elizaveta S. Belyaeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kimli09@mail.ru / lis.ens@yandex.ru

Keywords: addressee-centered pattern, discourse interpretation, recipient's expectations, implied author, inaugural address.

The current research has an interdisciplinary character. It encompasses the fields of interpretive linguistics, the study of non-professional political discourse and linguistic personology. The study discusses the problem of cleavage between the authorial intention embodied in a single textual form and the multiplicity of its message interpretation variants. The article aims to identify the key factors (variables) that determine the ongoing reception-production process of discourse interpretation constructed in terms of its multiplicity and variability. The authors reconstruct a descriptive pattern of the potentially interpretive functioning of discourse. Particularly, this pattern presupposes consideration of the interpretive activity of a subject (author), which correlates to the wide range of the human language-making capacity types. The discourse addressee acts as an interpreter and the interpretation results in meta-discourse production. The discourse recipient's behavior has an active, creative and performing character. This interpretive process is relatively autonomous, as it does not depend on the author's conception, being largely subjective (understanding of the self) and intentional. The study that uses the data of a linguistic interpretive experiment shows that the recipient's pre-text expectations largely determine his (her) interpretation variables. Expectations comprise certain components such as the recipient's background; cognitive ability to anticipate future events which is triggered by current stimuli; determination as the addressee's intention; linguistic patterns that pre-determine the direction of expectation; text image, the implied author. The concept of the implied author acts as the mechanism which triggers the reader's interpretation of political discourse. The material used as an empirical basis for the research is discourse excerpts, particularly, Vladimir Putin's 2004 inaugural address. It served as a text stimulus for three groups of participants. The three groups received the same excerpt. The first group was informed about the true authorship details; the second group was told that the author was Petro Poroshenko; the third group was informed that the author was Ramzan Kadyrov. The experiment resulted in a cluster of interpreting texts. Their content indicated common and different semantic variants related to the interpreted texts produced by different political figures. The cluster of common semantic variants proves that the interpretation of political discourse is determined by the content of the interpreted text. However, the cluster of different semantic variants proves that interpretation is more determined by the image of a political leader (Putin / Poroshenko / Kadyrov). The recipients motivated by their pre-text expectations are predominantly affected by the author's image. Thus, they preeminently demonstrate the perceived content of the leader's speech. Generally, the addressee of political discourse is likely to anticipate a certain message in the writings of the author who is previously known (it was that political leader who was designated as the author of the interpreted address in the study). Thus, the received experimental data allow arguing that readers interpreting inaugural discourse are considerably motivated by the message of the reference discourse as well as by the implied author conception (for instance, the president's image actualized in his inaugural address).

References

1. Kim, L.G. (2010) *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie* [Variative-interpretative functioning of the text: theoretical and experimental research]. Philology Dr. Diss. Kemerovo.
2. Golev, N.D. & Kim L.G. (2009) Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variative-interpretative functioning of the text (on expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Iskusstvovedenie"* – *Chelyabinsk State University Bulletin. Series "Philology. Art Criticism"*. 34(2). pp. 12–20.

3. Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1994) Interpretiruyushchie rechevye akty [Interpreting speech acts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of language. Language of speech actions]. Moscow: Nauka.
4. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Comte-Sponville, A. (2012) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Translated from French by E. V. Golovina. Moscow: Eterna.
6. Bazylev, V.N. (2012) [Anticipation and language]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 9–50. (In Russian).
7. Zinchenko, V.P. & Meshcheryakov, B.G. (2008) *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Big Psychological Dictionary]. Moscow; St. Petersburg: AST-Moskva; Praym-Evroznak.
8. Jauss, H.R. (2004) Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury [Literary History as a Challenge to Literary Theory]. Translated from English. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya: Antologiya* [Modern literary theory: an anthology]. Moscow: Flinta, Nauka, pp. 192–200.
9. Lotman, Yu.M. & Gasparov, M.I. (1996) *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [About poets and poetry: Analysis of the poetic text]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.
10. Shaposhnikov, V.N. (2012) [The logic of forward reflection in the Russian language system]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 287–306. (In Russian).
11. Kashcheeva, A.V. (2017) Antitsipatsiya v protsesse pis'mennogo diskursa [Anticipation in the process of written discourse]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 12(5). pp. 25–31.
12. Frolova, A.V. (2010) The specificity of researching the phenomenon of anticipation in speech. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 20. pp. 325–331. (In Russian).
13. Serebrennikova, E.F. (2012) [Prolepsis as a type of anticipation]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 207–215. (In Russian).
14. Golev, N.D. & Tarmaeva, V.I. (2012) [Divination and cognitive harmony in the understanding of the text]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 118–135. (In Russian).
15. Tret'yakova, T.P. (2017) Antitsipatsiya v modeli perevodcheskogo manevrirovaniya [Anticipation in the Translation Maneuvering Model]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 30. pp. 795–797.
16. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Lomov, B.F. & Surkov, E.N. (1980) *Antitsipatsiya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in the structure of activity]. Moscow: Nauka.
18. Vinogradov, V.V. (1971) *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of literary speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
19. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy v semi tomakh* [Collected works in seven volumes]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 287–297.
20. Uspenskiy, B.A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 9–218.
21. Chudinov, A.P. (ed.) (2016) *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and methods of linguistic analysis of the political text]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
22. Issers, O.S. (2003) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 3rd ed. Moscow: URSS.

23. Chudinov, A.P., Nakhimova, E.A. & Nikiforova, M.E. (2018) Russian linguopolitical personology: political leaders' discourse. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal Language Studies, Semiotics and Semantics*. 9(1). pp. 14–31. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31

24. Alekseeva, A.A. (2012) The political portraits of V. Putin and D. Medvedev (on the material of the modern press and the associative experiment). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 64–80. (In Russian).

25. Kim, L.G., Mustayoki, A. & Pietilyaynen, Yu. (2013) Perception of *modernization* by Russian students as a result of the influence of the author's image on the interpretation of political text. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 47–59. (In Russian).